

Дмитрий Порфирьевич Янковский

**Личность императора
Николая I и его эпоха**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я62

Я62 **Янковский Д.**
Личность императора Николая I и его эпоха / Дмитрий Порфирьевич Янков-
ский – М.: Книга по Требованию, 2026. – 167 с.

ISBN 978-5-521-39749-5

ISBN 978-5-521-39749-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Дѣтство, воспитаніе и образованіе.

„За царскіе труды, за блескъ и честь
вѣнца, за то, что вѣрилъ ей, что онъ съ са-
мозабвеніемъ любилъ ее и былъ ей вѣренъ до
конца“—за это все, по выраженію кн. П. А.
Вяземскаго, Россія обязана императору Ни-
колаю I вѣчною благодарностью.

Великій князь Николай Павловичъ родился
въ Царскомъ Селѣ 25 іюня 1796 г. въ 3¼
часа утра. Въ тотъ же вечеръ императрица
Екатерина II писала одному изъ своихъ при-
ближенныхъ: „Я стала бабушкой третьяго вну-
ка, который по необыкновенной силѣ своей
предназначенъ, кажется мнѣ, также царство-
вать, хотя у него и есть два старшихъ брата“.
Такимъ образомъ, по выраженію поэта, госу-
дарынѣ

„.... рокъ судилъ
Прозрѣть въ младенцѣ жребій славный:
Могучій волею державной,
На тронѣ рыцаремъ онъ былъ“.

Черезъ десять дней Августѣйшая бабка со-
общала Гримму: „Великанъ Николай поминут-
но проситъ ѣсть, и вотъ уже три дня какъ его
стали кормить кашкой: это неслыханное дѣло
для ребенка, которому всего недѣля. У нянекъ
просто руки опускаются отъ удивленія; если
такъ будетъ продолжаться, придется къ шести

недѣлямъ отнять его отъ груди. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза, а голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже моего“. Этими словами Екатерины II прекрасно характеризуются природные задатки сильнаго сложенія и крѣпкаго здоровья в. кн. Николая Павловича.

Павель I, бывшій очень нѣжнымъ отцомъ и хорошимъ семьяниномъ, умеръ, когда сыну его не было еще пяти лѣтъ.

Годы дѣтства в. князя прошли подъ непосредственнымъ и глубокимъ, въ истинно-воспитательномъ отношеніи, вліяніемъ няни шотландки Евгеніи Васильевны Лайонъ, по характеру необыкновенно смѣлой, рѣшительной, прямой, благородной и вспыльчивой, но, какъ и большая часть подобныхъ натуръ, безусловно доброй. Николай Павловичъ былъ пламенно привязанъ къ своей, какъ онъ называлъ, нянѣ-львицѣ (Lyon—каламбуръ самого императора Николая I). Вліяніе няни особенно было важно въ развитіи царственнаго ребенка, такъ какъ императрица Марія Феодоровна, сказавшаяся ангеломъ доброты въ цѣломъ рядѣ дѣлъ благотворительности, къ дѣтямъ своимъ относилась внѣшне холодно, сухо и мало занималась ими.

Объятія и ласки няни были убѣжищемъ отъ холодной методичности и несноснаго формализма учителей-спеціалистовъ, которымъ было поручено образованіе великихъ князей Николая и Михаила. Подъ вліяніемъ этой няни и развивалъ Николай Павловичъ свою природную прямоту, рыцарское благородство, привязанность къ людямъ и твердость въ поступкахъ; религіозность же была особенной потребностью и врожденнымъ влеченіемъ во всю его жизнь.

Съ 1803 г. в. князь уже совершенно и исключительно остается подъ надзоромъ однихъ мужчинъ. Главнымъ руководителемъ былъ генералъ Ламсдорфъ, мало способный педагогъ;

но, по замѣчанію графа Адлерберга, назначенный, вѣроятно, по свойству съ Лагарпомъ: они были женаты на родныхъ сестрахъ, урожденныхъ Бёглингъ. Система воспитанія, по побужденію самой императрицы Маріи Ѳеодоровны, состояла въ постоянныхъ холодныхъ наказаніяхъ, доходившихъ до жестокости.

Ламсдорфъ, поставившій себѣ цѣлью переломить воспитанника на свой ладъ, напр., вмѣсто того, чтобы мѣрами кротости смягчать отъ природы строптивый характеръ ребенка, представлявшій собою смѣсь нѣкоторыхъ недостатковъ и шереховатостей съ самымъ любящимъ сердцемъ,—позволялъ себѣ даже бить великаго князя линейками, шомполами и т. п. Не разъ случалось, что, въ ярости своей, онъ хваталъ мальчика за грудь или воротникъ и ударялъ о стѣну такъ, что Николай Павловичъ почти лишался чувствъ.

О частомъ употребленіи розогъ можно заключить изъ того, что Михаилъ Павловичъ однажды (19 апрѣля 1804 г.), сдѣлавъ какой-то маловажный проступокъ, пришелъ къ своей нянѣ и просилъ, чтобы она его высѣкла. Вѣроятно, онъ думалъ отвратить этимъ сильнѣйшее наказаніе гувернеровъ. Все это должно было только раздражать самобытный, неугомонный и непреклонно-настойчивый характеръ Николая Павловича.

Не смотря на желаніе императрицы Маріи Ѳеодоровны отвлечь обоихъ сыновей отъ страсти ко всему военному, ей не удалось этого сдѣлать. Духъ времени, выдвинувшій идеи военнаго дѣла, былъ поразительно обаятеленъ: война представлялась защитой правды и стороны слабой, обиженной; залогомъ національнаго величія родины, независимости государства и т. п.

Во время перваго путешествія поэтому Николай Павловичъ отмѣчаетъ въ своемъ днев-

никѣ: „О сю пору при харьковскомъ университетѣ обучающихся студентовъ 180, весьма мало для столь обширной округи, но должно замѣтить, что число оныхъ ежегодно увеличивается, и что въ послѣдніе годы большая часть молодыхъ людей *увлечены были войною предпочтительно наукамъ*“. Такимъ образомъ, увлеченіе было настолько сильно, что не только взрослые и лучшія силы (Жуковскій, Батюшковъ и др.) подчинялись ему, но и дѣти, въ игрѣ своей, какъ и въ куклы, подражавшія жизни старшихъ. Великіе князья Николай и Михаилъ едва вставали съ постели, какъ тотчасъ же принимались за военныя игры: играли съ оловянными солдатиками, стояли на часахъ весьма продолжительное время, строили въ саду крѣпости, атаковали ихъ, вырѣзывали изъ бумаги фигуры—артиллерійскія, крѣпостей, гаваней, кораблей и т. п. При этомъ в. кн. Николай всегда строилъ, а Михаилъ — атаковалъ и разрушалъ. Впослѣдствіи Николай Павловичъ очень полюбилъ инженерное искусство и съ увлеченіемъ изучалъ его, особенно подъ руководствомъ полковника Джанотти, и всегда, будучи уже на престолѣ, говорилъ: „Мы—инженеры... Наша инженерная часть...“

Кромѣ этого, в. князь любилъ рисованіе, хорошо владѣлъ перомъ, исполнялъ очень удачныя акварельныя рисунки. Особенную склонность имѣлъ онъ въ карикатурѣ и чрезвычайно умѣло схватывалъ смѣшныя стороны лицъ. Не менѣе искусенъ былъ онъ въ эскизахъ военныхъ сценъ, типовъ армій, мундировъ и лошадей.—Нетребовательный и простой, онъ никогда не былъ пристрастенъ къ роскоши: вмѣсто тюфяка обычно употреблялся мѣшокъ съ соломой въ 7 фут. длины и 4 ширины.—Любовь ко всему военному проявлялась и въ врожденной склонности его къ музыкѣ: не умѣя писать нотъ, онъ сочинялъ военные марши и

имѣлъ удовольствіе слышать ихъ исполненіе хоромъ музыкантовъ Измайловскаго полка; кромѣ этого, в. князь очень любилъ театръ. Впослѣдствіи были особыми любимцами государя актеры: Максимовъ, Самойловъ, Мартыновъ, Сосницкій, Дюръ, братья Каратыгины.

Характеристику взглядовъ Николая Павловича на образованіе можно видѣть въ слѣдующихъ его словахъ: „Не надо долго останавливаться на отвлеченныхъ предметахъ, которые потомъ или забываются, или не находятъ никакого приложенія на практикѣ. Я помню, какъ насъ мучили надъ этимъ два человѣка, *очень добрые*, можетъ статься, и очень умные, но оба несноснѣйшіе педанты: покойный Балугьянскій и Кукольникъ. Одинъ толковалъ намъ о смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного; о римскихъ, нѣмецкихъ и, Богъ знаетъ, о какихъ еще законахъ; другой—что-то о мнимомъ „естественномъ“ правѣ. Въ прибавку къ нимъ являлся Шторхъ съ своими усыпительными лекціями о политической экономіи, которыя *читалъ* намъ по своей печатной французской книжкѣ, ничѣмъ не разнообразя этой монотоніи. И что же выходило? На урокахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздоръ а потомъ выучивали кое-что въ долбежку, безъ плода и пользы для будущаго“. Также слышны жалобы и на „невыносимыя трудности“ латинскаго языка, не смотря на необыкновенно чрезвычайную память в. князя. Латинскій и греческій языки преподавалъ извѣстный Аделунгъ. Ставъ отцомъ семейства, императоръ Николай I сохранилъ антипатію къ классицизму на всю жизнь и вычеркнулъ древніе языки изъ преподаванія своимъ дѣтямъ. Изъ русской исторіи вниманіе его привлекали дѣянія удѣльныхъ князей, которыхъ Николай Павловичъ сильно порицалъ, въ то же время прихо-

дя въ восторгъ отъ Владимира Мономаха; а въ Гатчинѣ, когда ему въ первый разъ показывали стулья съ высокими спинками, на которыхъ находится шифръ Петра I, онъ молча поцѣловалъ изображеніе имени великаго своего пращура. Добрыя и сердечныя отношенія установились у великаго князя только съ профессоромъ рисованія Шебуевымъ и съ полковникомъ Джанотти, преподававшимъ инженерную часть.

Прекрасной дальнѣйшей школой были путешествія в. князя, во время которыхъ онъ, согласно желанію императрицы, велъ журналъ. Первое заграничное путешествіе относится къ маю 1815 г. Въ путешествіи лѣтомъ 1816 г., по внутреннимъ губерніямъ Россіи, Николаю Павловичу принадлежатъ замѣтки о большемъ или меньшемъ благосостояніи страны о тюрьмахъ, острогахъ и другихъ общественныхъ заведеніяхъ, какъ они ему казались при первомъ обзорѣ. „Въ Порховѣ“, напр., пишетъ великій князь, „арестантскій острогъ съ госпиталемъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что грѣшно не упомянуть объ этомъ“; при чемъ указываетъ на антисанитарную въ гигиеническомъ отношеніи скученность арестантовъ и караульных солдатъ, отсутствіе аптекъ, больницъ, одежды и т. п.—При этомъ Николай Павловичъ обладалъ способностью изящно, просто, точно и ясно выражать свои мысли настолько, что поэтъ Хомяковъ называлъ его лучшимъ стилистомъ послѣ Карамзина. Послѣ путешествія по Россіи в. князь отправился въ Англію; по возвращеніи оттуда въ іюль 1817 г. совершилось его бракосочетаніе съ дочерью прусскаго короля.

Такъ въ общихъ чертахъ представляется дѣтство и молодость Николая Павловича.

II.

Характеристика личности.

Баронъ Корфъ называетъ кабинетъ Николая I—„мастерской вѣчнаго работника на тронѣ“: на столѣ нѣсколько невскрытыхъ пакетовъ ему представляются, вѣроятно, только что присланныхъ, потому что царь никогда не ложился въ постель, не распечатавъ всего полученнаго. Но для большей наглядности изображенія личности государя могутъ прекрасной иллюстраціей служить многія воспоминанія современниковъ и его подлинныя слова, въ разное время вырывавшіяся, какъ итоги думъ, взглядовъ и склада души, искренной, открытой, сердечной, простотой и прямою великой, полной мужества, великодушія и любви къ родинѣ.

Пушкинъ однажды сказалъ: „Онъ—наидовѣрчивый изъ людей, потому что самъ—человѣкъ прямой; онъ вѣритъ въ искренность людей, которые часто его обманываютъ“.

„Меня“, писалъ государь Паскевичу, „всякій можетъ обмануть *только разъ*, но зато послѣ обмана я уже никогда не возвращаю утраченнаго довѣрія“.

Резолюція по поводу желанія москвичей праздновать 25-тіе царствованія Николая I всероссійскимъ молебномъ гласить: „Молитесь, буде хотять; могутъ вездѣ и каждый про себя, а не въ видѣ общемъ“. Въ Динабургѣ же полковнику Фитингофу государь сказалъ: „Развѣ вы не знаете, что на колѣни становятся только передъ Богомъ.“

При обсужденіи выпуска кредитныхъ билетовъ государь говорилъ: „Прошу сказать Ваше мнѣніе откровенно, нисколько не щадя ав-

торскаго моего самолюбія. Все должно быть основано на довѣрії къ правительству, *на слово его*, что наличность капитала обезпечена — не прикосновенна“.--Не сочувствуя выпуску кредитныхъ билетовъ, министръ финансовъ въ концѣ своего изложенія мнѣнія выразился такъ: „Впрочемъ, какъ Вашему Величеству угодно.“— „Здѣсь не въ угодности дѣло—возразилъ государь—знаю, что если я велю, то вы должны исполнить, а теперь вы собраны, чтобъ разсуждать и просвѣтить меня“.

Желая вызвать въ подданныхъ полную вѣру въ ненарушимость высокаго значенія „*Царскаго слова*“, государь и самъ вѣрилъ имъ: во время арестовъ декабристовъ онъ отпустилъ одного молодого человѣка, давашаго честное слово, что онъ не виновенъ.

Въ воспоминаніяхъ Фирсова рассказанъ случай въ день именинъ сестры государя, королевы Виргембергской Маріи Павловны (1843 г. 22 іюля), какъ Николай I, выйдя поздороваться съ кадетами, начавъ съ ними играть и сдѣлавъ видъ, что падаетъ, быстро былъ подхваченъ ими на руки. „Они никогда не дадутъ упасть не только мнѣ, но даже никому изъ членовъ моего дома“, сказалъ государь; а выведя в. к. Ольгу и Александру, заставлялъ ихъ дѣлать на привѣтъ кадетъ глубокіе реверансы, приговаривая: „кланяйтесь ниже своимъ слугамъ“,—русскимъ-де дворянамъ не стыдно кланяться.—Чувство полного взаимнаго довѣрія въ подданныхъ къ государю Николай I особенно воспитывалъ въ учащейся молодежи, относясь къ ней съ родственной близостью. Въ результатъ, конечно, дѣти и юноши всѣми силами своей души были привязаны и просты въ отношеніяхъ къ императору: появленіе его въ стѣнахъ учебныхъ заведеній было лучшимъ праздникомъ и торжествомъ ихъ. Преданная молодежь—юнкера Михайловскаго артиллерій-

скаго училища никогда не допускали ни государя, ни цесаревича всходить и сходить по лѣстницѣ: всегда несли на рукахъ; оттѣсненное учебное начальство только въ послѣднихъ рядахъ могло слѣдовать за этимъ триумфальнымъ шествіемъ. Въ 1833 г. въ Москвѣ, посѣтивъ V гимназію, Николай Павловичъ игралъ съ учениками, сидя на полу: они на память оборвали всѣ его пуговицы, и государь могъ ухватъ, только запахнувши себя шинелью.

Бѣляевъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ императоръ на все обращалъ въ дѣтяхъ вниманіе. Однажды, посѣтивъ гражданскую гимназію и замѣтивъ 12-лѣтняго мальчика, глядѣвшаго внизъ, онъ поднялъ его голову, сказавъ: „Развѣ у тебя совѣсть не чиста?“—Гимназистъ отвѣчалъ: „Чиста, Ваше Величество“.— „А если чиста, то смотри людямъ прямо въ глаза, особенно—когда смотришь на своего государя“. Въ это же время мальчикъ 0—тъ, не смотря на повторенное ему лично запрещеніе самимъ Николаемъ Павловичемъ, спокойно до конца вытаскивалъ изъ его шляпы перо *на память* (тогда генеральскія шляпы имѣли перья трехъ цвѣтовъ: чернаго, оранжеваго и бѣлаго).

Любя въ учащихъ будущихъ вѣрныхъ сыновъ родины, государь гордился ими и часто призывалъ ихъ во дворецъ и во время торжественныхъ случаевъ. Такъ, напр., въ 1852 г. гр. Паскевичъ по именному приказу привезъ въ Варшаву кадетъ Александровскаго Брестскаго корпуса, гдѣ Николай I представилъ ихъ императору австрійскому и королю прусскому.

Учащіеся вполне чувствовали эту сердечность къ нимъ государя и также искренно, какъ выражали ему радостный пріемъ, такъ и въ своихъ личныхъ или семейныхъ горестяхъ смѣло обращались безъ всякихъ посредниковъ къ Николаю Павловичу. По рассказамъ Кингъ, напр., кадетъ-малютка просилъ о прощеніи бра-

та офицера, обвинявшагося въ нарушеніи дисциплины.

Не только въ отношеніи искренно любимыхъ имъ учащихся былъ такъ доступенъ и такъ простъ въ обращеніи Николай I, но, какъ человѣкъ, и вообще для всѣхъ своихъ подданныхъ, если видѣлъ съ ихъ стороны полную искренность. Подобно ребенку — кадету, сестра офицера Дублянскаго, обвинявшагося въ оскорбленіи полкового командира, утромъ встрѣтивши въ дворцовомъ саду прогуливавшагося государя, прямо обратилась къ нему съ просьбой. Удивленный тѣмъ, что въ неурочное время публика допущена въ садъ, разсерженный императоръ спросилъ, какъ она могла туда попасть. „Я со вчерашняго дня дожидалась!“ отвѣчала дѣвушка, проникшая сюда нарочно еще наканунѣ, въ разрѣшенное для гулянья время.

По Высочайшему приказу было приказано собраться къ ставкѣ Его Величества всѣмъ генераламъ одного корпуса, гдѣ, по письму капитана Челищева (1836 г., августъ, С.-Петербургъ), государь сказалъ: „Господа генералы, вчера я несправедливо обидѣлъ генерала Пенхержевскаго, а въ лицѣ его и васъ всѣхъ, почему и считаю долгомъ, сознаваясь въ моей опрометчивости, извиниться предъ всѣми вами и просить прощенія у генерала Пенхержевскаго“.

Въ 1840 г. въ Кіевѣ послѣ смотра корпуса Кайсарова государь вернулся и перенесъ стараго фельдмаршала князя Витгенштейна на рукахъ черезъ барьеръ, отдѣлявшій эспланаду отъ улицы.

Цѣлый рядъ подобныхъ открытыхъ и непосредственныхъ сношеній съ подданными составляютъ тысячи страницъ воспоминаній современниковъ Николая I, напоминающихъ своей простотой Пистра В. Къ памяти же великаго преобразователя его царственный внукъ от-